

рэкамендацыі многіх моўных рэфарматараў. Сярод апошніх асаблівай актыўнасцю вызначаюцца выдаўцы і некаторыя аўтары газеты "Наша слова", часопіса "Роднае слова", прафесар ГрДУ П.У. Сцяцко. І.Я. Лепешаў ці не адзіны ў рэспубліцы, хто рашуча адстойвае сапраўдную чысціню беларускай мовы, выступае супраць тых, хто, "страчваючы адчуванне часу і прасторы", разважае "...пра магчымасць пераходу з сучаснага шрыфту на лацінку, пра вяртанне да тарашкевіцы, ужываюць і настэрна прапагандуюць асобныя словы і іх формы, лічачы толькі іх самабытнымі, сапраўднымі, чыста беларускімі і рашуча адмаўляючы іншыя – прывычныя, нарматыўныя" (с. 59). Местачковыя моўныя патрыятызм уносіць блытаніну ў галовы настаўнікаў і прыхільнікаў роднага слова, прыніжае зробленае і адпрацаванае папярэднікамі, парушае моўную кадыфікацыю. Такія словы і формы, як неадоймы, даведзіны, узвычленне, прыгнобіць, бачына, міталегія, наапошку, сяньні, панятак і іншыя адкідаюць нашу мову ў далёкія 20–30-я гг. XX ст., ніяк не садзейнічаюць яе нармалізацыі і далейшай папулярнасці ў сучасным грамадстве.

Цікавымі разважанымі вызначаецца глава, у якой вядучы беларускі вучоны дае сваё тлумачэнне вузкага і шырокага разумення аб'ёму фразеалогіі, цэласнага значэння фразеалагізма, імкнецца размежаваць крылатыя словы, прыказкі і фразеалагізмы, спыняецца на разглядзе недакладна скалькаваных фразеалагізмаў, пазычных мініячур у фразеалогіі, удакладняе і далаўняе свой жа самы вялікі на сённяшні дзень двухтомны "Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы", крытычна ацэньвае перакладны даведнік З.Санько "Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем" (1991) і інш. Асобныя пытанні фразеалогіі разглядаюцца таксама і ў некаторых іншых раздзелах кнігі. У прыватнасці, І.Я. Лепешаў засяроджае ўвагу на неадэкватны напісанні пачатковай літары ў фразеалагізмах з кампанентамі – уласнымі імёнамі тыпу за царом Гарохам, як Піліп з каняпель, на ўсю Іванаўскую. На думку даследчыка, фразеалагічныя кампаненты, зтымалагічна звязаныя з уласнымі назоўнікамі, няма падставы пісаць з вялікай літары. Асобна спыняецца аўтар на арфаграфічным напісанні назвы беларускай дзяржавы мінулых часоў Вялікага Княства Літоўскага (усе тры словы прапануецца пісаць з вялікай літары), дыферэнцыруе напісанне слова Бог з вялікай і малой літары, дапускае магчымасць выкарыстання псеўданімаў і непсеўданімаў у поўнай і скарачонай формах і інш. Многімі слухнымі заўвагамі і парадамі насычаны таксама раздзелы "Графіка", "Марфалогія" і "Сінтаксіс".

У падзаглаўку кнігі прафесара І.Я. Лепешава не выпадкава ўжыта ўдакладненне "спрэчныя пытанні". Далёка не з усімі прапановамі навучоўца можна пагадзіцца, многіх патрабуе далейшага асэнсавання і аналізу. Наўрад ці можна пагадзіцца з прапановай публікаваць тэксты мастацкіх твораў з захаваннем марфалагічных асаблівасцей пэўнай эпохі (маюцца на ўвазе формы пры бацькох, у іншых мясцох і пад.). Сумненне выклікае і мажлівасць пісаць з малой літары

ўласныя імёны ў складзе фразеалагізмаў, адмаўленне ў праве на ўжытак слова "фразема", якое, на нашу думку, нічым не горшае за "фразеалагізм".

Новая праца прафесара І.Я. Лепешава мае выключнае значэнне для далейшай кардынацыі і уніфікацыі розных лексіка-грамматычных форм, перагляду і ўнясення ўдакладненняў у акадэмічныя і школьныя граматыкі, вучэбныя дапаможнікі і інш. Пажадана, каб гэта кніга стала прадметам дэталёвага абмеркавання не ў асобных рэцэнзіях (гэта таксама патрэбна), а найперш – у аўтарскіх калектывах супрацоўнікаў акадэмічнага Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа, якія працуюць над новымі выданнямі кніг па беларускай мове.

М.Р. Прыгодзіч,
кафедра гісторыі беларускай мовы

М.Г. Булахав. **Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии:** В 5 т. Мн.: БГПУ, 2002. Т. 1: Абревиатура – Йотированный. 428 с.

В 2002 г. в Белорусском государственном педагогическом университете им. М.Танка увидел свет первый том будущего пятитомного "Опыта исторического словаря русской лингвистической терминологии" Заслуженного деятеля науки Республики Беларусь профессора Михаила Гапеевича Булахова. Книга представляет собой уникальный справочник по русской языковедческой терминологии. От известных к настоящему времени словарей лингвистических терминов данное издание отличается диахроническим принципом построения и подачи фактического и иллюстративного материала, а также широтой представленной в нем терминологической лексики. Одна из первоочередных задач автора – максимально полно отразить лингвистическую терминологию, используемую в трудах по русскому и общему языкознанию, а также показать особенности ее исторического развития. Указанные цели потребовали от ученого нетрадиционных подходов при построении словарной статьи, раскрытии семантики и показа функционирования лингвистического термина. В "Опыте исторического словаря..." во-первых, представлена лингвистическая терминология от древнейших грамматик до современных изданий, т. е. всего периода существования русистики как науки, при этом учтены данные наиболее значительных научных трудов, оказавших заметное влияние на развитие русской лингвистической и в целом филологической науки. Как отмечается во "Введении", автор ставил своей целью "по возможности полно учесть русскую лингвистическую (частично общепилологическую) номенклатуру по наиболее известным печатным трудам, появившимся в последние три века. Кроме того, выключены отдельные термины, которые имеются в старопечатных восточнославянских грамматиках и словарях

XVI–XVII вв." (с. 5). Внушительной является фактологическая база словаря, список источников составляет 810 позиций. Все это позволило показать многообразие лингвистической терминологии (исторической и современной), а также особенности ее использования на протяжении многовекового развития русистики как науки. Примечательно, что в издании последовательно включена лингвистическая терминология из трудов известного исследователя белорусского языка, основоположника белорусского языкознания академик Е.Ф. Карского, прежде всего его фундаментального исследования "Белорусы. Язык белорусского народа" (1955. Вып. I; 1956. Вып. II). Таким образом, несомненным достоинством словаря является, с одной стороны, достаточная полнота представления современной русской лингвистической терминологии, а с другой стороны, – широкая историческая перспектива, позволяющая показать процесс развития этой терминологии (ср., например, статьи *диалектный*, *диалектический*, *диалектальный*) "**ДИАЛЕКТНЫЙ** – прил. к диалект, свойственный диалектам, не характерный для литературного языка" (с. 243). "**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ** – то же, что диалектальный, диалектный" (с. 244). "**ДИАЛЕКТАЛЬНЫЙ** – то же, что диалектный". Приведенные в статьях цитаты из трудов известных и авторитетных авторов, а также многочисленные терминологические словосочетания с данными определениями дают отчетливое представление о широте и времени использования данных синонимов.

Другой отличительной чертой рецензируемого "Опыта исторического словаря..." является стремление автора по возможности показать время появления термина, его происхождение, что во многом достигается путем отсылки к лингвистическим источникам. Ср.: "**ДЗЕКАНЬЕ/ЦЕКАНЬЕ** ср. Фонетическая черта белорусского языка и некоторых русских говоров. Нельзя не согласиться с проф. Карским, что мягкость *r'* (сохранение мягкого *r*) обязана влиянию соседних северновеликорусских и южновеликорусских говоров; следовательно, и здесь, как при дзеканье/цеканье, резко выдержано противоположение запада востоку; и это делает вероятным лышское происхождение рассматриваемой черты. Шахм. ОДПИРЯ, 317" (с. 235); "**ДИФТОНГ** м. Термин восходит к соответствующему греч. слову в знач. 'двугласный'. В русском языкознании употребляется с середины XIX в., причем иногда и для обозначения некоторых консонантных сочетаний. Мы совершенно согласны с Бетлингом, что у звукосочетаний ай, ой и т. п. никак нельзя отнять названия дифтонгов. Грот. ФР, 290... Дифтонгом называется такое сочетание двух гласных – более открытого с узким (т. е. с *i* или *u*), которое произносится слитно в один слог, причем узкий гласный, лишенный слоговой самостоятельности, присоединяется к более широкому... Богор. ОКРГ, 91–92..." (с. 259–260).

В-третьих, отметим структуру словарной статьи, в которой автор удачно сочетает принцип лингвистического толкования с ци-

тацией известных авторов. При этом последнее не только дает возможность более точно определить значение и употребление того или иного термина, но в ряде случаев оказывается вполне достаточным для осмысления сущности самого понятия. Например: "**АМОРФНЫЕ ЯЗЫКИ**. Термин введен в науку вслед за Авг. Шлегелем (после 1818 г.). Нужно вскрыть те многообразные грамматические особенности, которые специфичны для корневых языков. Именно поэтому термин "аморфные языки", т. е. бесформенные, следует признать неправильным по отношению к корневым языкам, как и к любым другим. Язык не может быть "бесформенным" даже в тех случаях, если слова этого языка не знают форм словоизменения. Ведь, кроме форм словоизменения, в языке могут бытовать другие формальные признаки слов: определенная и строгая сочетаемость слов, определенная и строгая взаимосвязь их и т. д. Будаг. ВНЯ. 1965, 357; ...Языки типа китайского нельзя назвать аморфными, так как языка вне формы быть не может, но форма в языке проявляется по-разному... Реформ. Введ. в языковед. 1967, 453" (с. 32).

В-четвертых, важной составной частью большинства словарных статей является обширный перечень терминологических словопотреблений из лингвистических трудов, которые не только помогают глубже и точнее понять сущность толкуемого термина, но и дают возможность определить диапазон его терминологической сочетаемости. При этом поражают широта и объем представленного материала. Например, в статье **ГЛАСНЫЙ/ГЛАСНАЯ** (с. 165–182) после толкования термина и иллюстрационных цитат дается перечень терминологических сочетаний этого термина: *акутированность г.*, *акутовый характер г.*, *ассимиляция г.*, *дифтонгизация г.* и т. д. (всего 1116 словосочетаний и 3119 отсылок!). Приведенные данные свидетельствуют об энциклопедическом характере этого издания, включающего ценнейший исследовательский материал и отражающего прежде всего широту диапазона лингвистических изысканий в области современной и исторической русистики.

Таким образом, рецензируемый "Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии" профессора М.Г. Булахова является уникальным лексикографическим справочником энциклопедического характера, который по широте охвата фактического материала, его репрезентации и интерпретации выходит за пределы только справочной литературы и имеет самостоятельное исследовательское значение. Такого рода издание является первым в истории русской терминологии и, безусловно, заинтересует не только лингвистов нашей страны, но и российских языковедов, а также русистов других стран. К большому сожалению, этот уникальный труд "обречен" стать раритетным с самого первого дня опубликования, поскольку издается тиражом только 50 экземпляров (!) и поэтому окажется практически недоступным

для большинства специалистов как в Беларуси, так и за ее пределами.

А. А. Лукашанец,
Институт языкознания им. Якуба Коласа
НАН Беларуси

С. Я. Гончарова-Грабовская. Комедия-памфлет: генезис, становление, поэтика. Мн.: БГПУ-ИСЗ, 2002. 163 с.

«Шутить надо для того, чтобы совершать серьезные дела», — отмечал Аристотель, имея в виду комедию, нещадно бичующую людские пороки и ведущую нескончаемую войну с «ветряными мельницами», пытаясь исправить мир и его нравы.

Комические жанры, казалось бы, самые простые и доступные в своих проявлениях, столь же многолики, как и другие литературные формы. В монографии дано теоретическое обоснование жанровой специфики этой разновидности комедии и прослежен путь ее становления. Отметим, что в литературоведении эта проблема малоизученна, поэтому данное исследование представляет несомненный интерес.

Автор систематизирует накопленный литературоведением фактический материал, предлагает свой взгляд на жанровое проявление, оригинально переосмысливает аспекты содержания и поэтики конкретных произведений, их ключевые эпизоды, порой вступая в полемику с бытующим мнением.

Относя комедию-памфлет к бинарному жанрам, исследователь справедливо отмечает, что его слагаемые (комедия и памфлет) вполне «сочетаемы», так как оба относятся к сфере комического (с. 4). При этом памфлетное начало активно подчиняет комедийную структуру и формирует ее компоненты, выступая не только доминирующим эстетическим качеством, но и жанрообразующим, обуславливая содержание конфликта, способ его воплощения, характеры персонажей. Драматург создает особый художественный образ мира, деформированный логикой памфлетного видения действительности (с. 9).

Модель жанра рассматривается автором на двух уровнях: содержания и формы, выделяются жанровые доминанты (тип конфликта, тип персонажа, вид комического) и жанрообразующие факторы (художественный метод, авторская индивидуальность). Акцентируется внимание на специфике смеха, его экспрессивном обличении, направленном на уничтожение объекта критики, что очень важно для этого жанра.

В монографии высказана мысль, что комедия-памфлет во многом близка сатирической комедии и имеет с ней общие точки соприкосновения. С. Я. Гончарова-Грабовская дифференцирует их свойства, однако в практике драматургии встречаются такие пьесы, жанр которых сложно определить. Как известно, памфлет находится в некотором родстве с литературой факта и предполагает до-

кументальность изображения. Более отчетливо его признаки проявляются в тех комедиях, где «политическое» выступает в качестве «эстетического», где объект критики имеет конкретный адресат, а в персонаже угадываются черты известного «лица». В драматургии XX в., как отмечает исследователь, наблюдается нарушение канона этого жанра, так как появились комедии-памфлеты, в которых критика направлена не на конкретное лицо, а на негативное социально-политическое явление в целом, персонифицированное в образе персонажа. При этом «прозрачность» адресата остается очевидной для читателя. В таком случае особенности жанра требуют дополнительной аргументации и могут вызвать полемику. Не случайно некоторые комедии-памфлеты («Демократия!» И. Бродского, «Казино» А. Яхонтова и др.) относятся к сатирическим комедиям. И в то же время многие сатирические комедии, не лишённые памфлетного начала, так и не достигают жанрового оформления памфлета.

Уделяя особое внимание семантико-морфологическому уровню, автор прослеживает статику и динамику комедии-памфлета, непосредственно показывая преломление жанровой структуры в художественной ткани пьесы, обусловленной функциональной связью различных приемов организации драматического текста. «Техника» жанра, его поэтика убедительно продемонстрированы на лучших образцах комедии-памфлета как русской, так и мировой драматургии (Л. Андреев «Конь в сенате»; М. Булгаков «Багровый остров»; А. Толстой «Чертов мост»; Е. Петров «Остров мира»; Б. Брехт «Карьера Артуро Уи»; Я. Купала «Тутэйшыя»; А. Макаенок «Дышите экономно»; В. Войнович «Трибунал» и др.). Историко-типологический подход существенно обогащен анализом поэтики многих произведений, даже тех, которые ранее не были включены в литературоведческий обиход.

Особое внимание уделено генезису исследуемого жанра, возникновение и развитие которого обусловлено не только общественно-историческими факторами (подъем социальной активности и общественного движения), но и историко-литературными (проникновение памфлетного начала в драматургию). Как считает С. Я. Гончарова-Грабовская, существенные признаки памфлета начинают проявляться в творчестве драматургов периода античности (Аристофан), когда комедия становилась инструментом политической борьбы (с. 42). Интерес вызывает и такой источник генезиса комедии-памфлета, как *диатриба*, соединившая в себе, с одной стороны, театральные элементы (комической диалог, мимические сценки, воображаемый противник), с другой — острую социально-политическую сатиру (диатрибы Мениппа и Лукиана).

Анализируя историю развития комедии-памфлета, автор подчеркивает сложность и этапность процесса накопления специфических черт и особенностей этого жанра. Только в период резкого обострения социально-политических противоречий действительно-